

Поэтическое творчество деревни

13 июня Переславль-Залесский, уездный городок Владимирской губернии, посетила фольклорная экспедиция. Экспедиция, имея во главе профессора Ю. М. Соколова, состояла из студентов I Московского Государственного Университета, Высшего Литературно-Художественного Института имени В. Брюсова и Института Слова и отправлена соединёнными силами Главнауки и Российской Академии Художественных Наук.

Экспедиции пришлось вынести на своём пути чрезвычайные трудности из-за недоверчивости крестьян, наблюдавшейся в первые дни работы. Один священник высказал предположение, что понаехали «волки в овечьих шкурах»... он был не одинок в своих предположениях. Обязательное требование фольклорных записей — фамилия сказителя в большинстве случаев не говорилась. Архив экспедиции пестрит такими отметками собирателей: «От Григория 15 лет — (фамилию сказать побоялся)», «от парней 15—19 лет (фамилию никто не сказал, боялись — арестуют)». О стариках и говорить не приходится: они были ещё осторожнее и, мотая себе на ус, хитро помалкивали.

Со временем, когда экспедиция освоилась с обстановкой и крестьяне попригляделись к студентам, легче стало разыскивать сказителей и певцов. Первый же день был очень тяжёл. Так, сотрудники рыбацкой группы битый день ходили в поисках разных поверий, связанных с озером, легенд, но, увы... рыбаки были недоверчивы, скупы на слова, отмалчивались, изредко произнося: «да», «конечно», «слов нет» и тому подобное. Одна старуха, про которую прошёл слух, что она многое «знает порассказать», спаслась бегством, прежде чем измученные исследователи успели её настичь... Мальчишки тучами облепили их, но на приглашения сказать частушки только конфузливо улыбались да кивали головами на стариков — вот дескать они... те же ответствовали, что они стары, всего не упомнят, вот разве мальчишки...

Судьбе угодно было послать рыбацкой группе старичка-рыбака лет 70. Его нам отрекомендовали, как большого знатока специально рыбацких поверий. Знаток, однако, ничего путного не сообщил. Дальше разговоров о том, что осенью вода бывает жиже, чем летом, его знакомство с озером не шло. Все попытки интервью кончались безрезультатно... Смеркалось. Измученные студенты уже подумывали о дезертирстве...

Однако сумерки неожиданно принесли облегчение. Рыбаки и рыбацки всех возрастов высыпали на завалинки. Упрашивающих спеть студентов уже довольно благосклонно выслушивали. Прошло немного времени и несколько старушек, усевшись рядком в хате, пели песни хороводные, обрядовые и другие. Все окна были залеплены массой глазющей детворы. А студенты едва попевали, скрипя карандашами, за словами песни: её приходилось записывать фонетически.

Плотина недоверия была прорвана.

С каждым днём работа шла, всё более и более спорясь. Студенты записывали песни, изучали хаты, осматривали рыбацкий инструментарий. На чердаках, в заплесневевшем церковном архиве, в большом числе найдены были старые рукописи XVIII и начала XIX века. Все они сдавались после осмотра в местный музей. В работе деятельное участие принимали учителя; местные власти оказывали всяческое содействие. Начальник экспедиции профессор Соколов руководил всеми работами, постоянно посещая то одну, то другую деревню.

В такой напряжённой и бодрой работе прошло 3 дня. Перед самым отъездом успели ещё устроить конференцию с переславскими учителями.

В погоне за материалом студенты пускались во все тяжкие. Одну курсистку до того затебрили мальчишки-сказители, что она вынуждена была записывать «приблутки»... через окно

*Вебер, В. Поэтическое творчество деревни / Владимир Вебер, Александр Цейтлин // Красная Нива. — 1924. — 27 июля (№ 30). — С. 728—729.

избы. Другой студент ВЛХИ, задавшись целью разыскать заговоры и заклинания, отправился к местному колдуну. Чтоб расшевелить того личным примером, начал рассказывать собственные заговоры. Но, увы! колдун, недослушав их, объявил, что «это-де всё ерунда и бабы только этому верят, а ты, мол, человек обстоятельный»... Пришлось удалиться несолоно хлебавши.

В других деревнях студенты «шевелили» крестьянскую аудиторию... Блоком («Девушка пела в церковном хоре»), но без особого эффекта; зато стихи Казина:

Живей, рубанок, шибче шаркай,
Шушукай, пой за верстаком!..

встречены были с общим восторгом.

В одном случае дело дошло до... осады. Согласившийся петь песни пастух внезапно отказался; студентам пришлось окружить дом и взять пастуха измором, что и удалось блестяще.

Любопытные типы попадались экспедиции среди местного населения: старик матрос, совершивший трёхлетнее кругосветное плавание, перед отъездом из Кронштадта «собственноручно» кричавший «ура»; старик из дальней деревушки, сам искавший экскурсантов, не решавшийся петь им в своей деревне («У себя — жена сушая баба-яга, засмеёт: песни-де стал на старости лет петь»); наконец, местный крестьянский поэт-самоучка, прекрасный рассказчик. Его стихи развешаны там по стенам хат, так они популярны...

С глубокой признательностью сотрудники экспедиции вспоминают хранителя переславского музея М. И. Смирнова. Он едва ли не самая колоритная фигура всей переславщины. В результате незаметной, но упорной многолетней работы он сумел организовать местное научно-просветительное общество, выпускающее в настоящее время чуть не 15-ый сборник статей о Переславщине; устроить большой образцово поставленный музей памятников старины. В деле столь популярного теперь у нас краеведения он является одним из самых нужных низовых работников, знающих край, культурные и экономические нужды крестьянства. Ему многим обязана экспедиция.

Произведения народно-поэтического творчества Переславщины в общем, несомненно, значительны. Несмотря на сильное влияние города, переславская деревня сохраняет в себе родник чисто крестьянской поэзии. Она главным образом лирична, чистого эпоса уже нет. Найдены были отдельные сказанья о Петре (подробно рассказана была история его кораблекрушения на озере), но они утратили самую форму эпической песни и деформировались в аморфный рассказ. Отдельные исторические песни — об Александре I, о Платове-казачке — утратили общий эпический сюжет, представляя скорее отдельные его эпизоды. Здесь пред нами — обломки эпоса.

Зато пышным цветом развернулась поэзия лирическая: обрядовая, связанная с местом, временем года, трудовыми процессами — посевом, жатвой, с различными событиями крестьянской жизни — свадьбой, смертью. Экспедицией записаны во всей полноте похоронный и свадебный отряды (последний с распространённым здесь «битьём свахи»). Впервые в России записан чрезвычайно интересный обряд «похорон князя», обилён репертуар собранных хороводных и лирических песен, тем более интересных, что они зачастую были превосходно исполнены. Экспедиции удалось разыскать здесь несколько старушек, пенье которых стоило бы продемонстрировать в Москве, настолько оно художественно в своей непринуждённой лёгкости и глубиной чувстве меры...

Легенды, поверья, заговоры распространены меньше; по-видимому, вера в них ослабела то ли под влиянием города, то ли как общее следствие революционного перелома. Зато пустил глубоко корни жанр «приблауток», в общеречьи «частушек». Они большей частью традиционного содержания — про любовь (так называемые «страдания»), но многие уже отражают новый, послевоенный быт. Морфология их разнообразна: существуют группы рекрутских частушек, «приблаутки» сатирические. Довольно много частушек, революцией созданных — о Ленине, коммунистах, полах и так далее.

Очень сильно распространена группа охальных или похабных приблауток — среди них встречаются иные, мастерски инструментованные, но совершенно непечатные.

Итоги поездки? В короткое время собран огромный материал, который начинает уже разрабатываться. Он настолько интересен, что многие из сотрудников экспедиции решили заняться более специальным исследованием отдельных вопросов. Культурной смычке московского студенчества на участке народно-поэтического творчества положено начало. И в этом смысле, думается, и Главнаука, и Российская Академия Художественных Наук, придав экспедиции свой авторитет, совершили полезное дело.